УДК 1:316(470+571):316.334.3
ББК 60.027(2Рос)+60.561.3

Е.В. Герасимова,
Т.И. Черняева

ФОРМЫ И РЕЖИМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

E.V. Gerasimova, T.I. Chernyaeva
Forms and Regimes of Interaction between Power and Society in Conditions of Political Modernization of Russia

The basic forms and regimes of interaction between power and society are examined in the context of conflict – agreement and legitimacy – illegitimacy.

Key words and word-combinations: political modernization, power, society, forms and regimes of interaction, conflict, legitimacy.

Рассмотрены основные формы и режимы взаимодействия власти и общества в контексте конфликта – согласия и легитимности –нелегитимности.

Ключевые слова и словосочетания: политическая модернизация, власть, общество, формы и режимы взаимодействия, конфликт, легитимность.

Устойчивый курс на модернизацию Россия взяла в разгар глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Стратегическая направленность заявленных руководством страны преобразований охватывала прежде всего экономический сектор, предполагала создание «умной экономики, производящей уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» [1]. Однако в последующие годы стало очевидно, что без модернизации политической системы невозможно обеспечить устойчивое развитие страны и общества. Как следствие, с 2010 г. стали предприниматься определенные шаги в направлении изменений институтов власти как федерального, так и регионального уровня, замены представительной

демократии на непосредственную демократию. Накануне 2012 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию были предложены меры, дающие гражданам больше возможностей влиять на политику Российского государства, на принятие любых решений, затрагивающих их права и интересы [2]. Это потребовало пересмотра и оптимизации пространства коммуникации власти и общества, формирования новых коммуникативных режимов и практик.

Проясним содержание понятия *модернизация.* Имеются три наиболее распространенных понимания модернизации: как любых прогрессивных изменений; как движения к современности, достижения нового типа общественного устройства (индустриальные технологии, рациональность и секуляризация, высокая социальная дифференциация, урбанизация, рост профессиональной специализации и повышение уровней формального образования в любом обществе) [3, с. 268]; наконец, как усилия стран, догоняющих страны-лидеры [4]. В России модернизация рассматривается в большей степени именно в последнем значении – как достижение некоторой рекурсивности стран в общем глобальном порядке.

Политическая модернизация, означая «демократизацию политических институтов общества и его политического сознания» [5, с. 480], неизбежно приводит к появлению новых акторов на политическом поле, новых социальных групп, существенно отличающихся по своим установкам от традиционных. С. Хантингтон особо отмечает значение среднего класса, состоящего из предпринимателей, управляющих, инженерно-технических специалистов, офицеров, гражданских служащих, юристов, учителей, университетских преподавателей. Но именно интеллигенция, по его мнению, идет в авангарде нового политического мышления, способствует распространению новых идей в обществе. В результате все большее количество людей, целых социальных групп меняют свои установки, начиная осознавать, что политика напрямую касается их частных интересов, что от решений, принимаемых властью, зависит их личная судьба [6]. В итоге в обществе появляется все более осознанное стремление граждан к участию в политике, к поиску механизмов и способов воздействия на принятие государственных решений.

Модернизация политической системы России меняет саму структуру пространства политической коммуникации. В жизни современного общества политическая коммуникация становится одним из основных ресурсов по достижению и удержанию власти, активно использующемуся в ходе собственно политической деятельности различными субъектами.

П. Земцов отмечает, что в последнее время в связи с интенсивным проникновением рыночных механизмов в политическое пространство в литературе возникла тенденция к описанию политических коммуникаций исключительно в плане пиар-технологий и политической рекламистики [7, с. 52]. Пространство политической коммуникации заполняется «профессионалами» – *«медиатическими интеллектуалами»*, тщательно «пережевывающими» политические смыслы, – которые монополизировали эту сферу деятельности и общаются исключительно между собой. Все остальное – не более чем ритуал, который легитимирует их деятельность и создает доверие аудитории. Последняя, в свою очередь, довольствуется зрелищностью и доступностью той политики, которую

она видит. Таким образом, смысл политической коммуникации сводится *к формированию общественного мнения*. Так или иначе, но данная модель искореняет публичный политический дискурс в пользу примитивного информационного потребления.

Основываясь на идеях П. Бурдье, полагаем, что политическая коммуникация представляет собой символическое действие, реализующее особую логику политики, распределения властных символических ресурсов и норм, влияющих на поведение участников коммуникации [8]. Пространство политической коммуникации выступает и как система отношений, и как система символов: оно характеризуется особым распределением символических капиталов и соответствующей расстановкой сил социальных и политических акторов – основных действующих лиц, реализующих в пространстве коммуникации собственные интересы.

Пространство политической коммуникации задается двумя коммуникативными осями: «*конфликт – солидарность»* и «*легитимность – нелегитимность»*. Солидарность свидетельствует о сочетании интересов и, в большей степени, о достижении целей власти. Конфликт же выступает показателем расхождения целей и интересов власти и общества, является социальным маркером проблем, которые необходимо решать.

Политическая коммуникация, осуществляемая в континууме «*конфликт – солидарность»* реализуется в разнообразных формах, в их числе: коммуникация «лицом к лицу», медийная коммуникация, сетевая коммуникация, гибридная коммуникация. Исследовательское внимание к конфликту актуально в российской действительности. По данным исследований ВЦИОМ, за 2009–2011 гг. резко возросло число лиц, готовых участвовать в митингах (с 14 до 24%) и петициях (с 21 до 37%), зато сократилась группа граждан, не желающих участвовать ни в каких акциях (с 57 до 41%) [9]. В ходе общественного развития меняется значимость определенных видов коммуникации власти и общества, при этом значимость конфликтных форм в России остается достаточно высокой.

По степени конфликтности выделяются следующие формы политической коммуникации: *просьба*, *протест*, *угроза*.

Форма просьбы (обращения) нашла легальное закрепление. Так, в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [10] прописаны следующие формы политической коммуникации. *Предложение* – обращение гражданина конкретного характера, не связанное с нарушением его прав, направленное на улучшение организации и деятельности органов государственной власти города и органов местного самоуправления, предприятий, организаций и учреждений вне зависимости от организационно-правовых форм в решении вопросов экономической, политической, социально-культурной и других сфер жизни города. *Заявление* – обращение гражданина по поводу реализации принадлежащих ему прав, закрепленных Конституцией РФ, иными федеральными и законами субъектов РФ. *Жалоба* – обращение гражданина по поводу восстановления прав или законных интересов, нарушенных действиями (бездействием), решениями органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностными и выборными лицами, руководителями предприятий, учреждений и общественных объединений. *Хода-*

тайство – письменное обращение гражданина с просьбой о признании за ним определенного статуса, прав, гарантий и льгот с предоставлением документов, их подтверждающих. *Коллективные обращения* – обращение двух или более граждан в письменном виде, содержащее частный интерес, либо обращение, принятое на митинге, собрании и подписанное организаторами и (или) участниками митинга или собрания, имеющее общественный характер. *Петиции* – коллективные обращения граждан в органы власти о необходимости проведения общественных реформ или частичного изменения законодательства.

Форма протеста представляет собой одно из направлений социальной активности в виде проявлений несогласия, инакомыслия, оппозиционной деятельности, соответствующего политического поведения [11]. Как видим, понятие «протест» – социальный или собственно политический – зачастую охватывает достаточно широкий круг явлений. В Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» определены такие формы политического протеста, как митинг, демонстрация и шествие [12]. Социальное недовольство условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти постепенно перерастает в протест [13]. Главной особенностью протестного участия является отказ вовлеченных в него индивидов и групп от конструктивного сотрудничества с существующими в рамках данного социально-политического и правового порядка структурами центральной и местной власти. Формы в данном случае могут быть различными – от «мягких», вроде подписания петиций и воззваний, до «жестких» (радикальных), зачастую предполагающих проявление насилия [14]. Они могут быть традиционными и нетрадиционными; среди последних выделяют *PR-маневр, театрализованные акции, «прорывные» акции, политический флэш-моб* [15].

Политическая коммуникация в ***форме угрозы***, полагаем, выражается как в вербализированной форме (протестные граффити, различные надписи, нередко нецензурного характера, непристойные лозунги, неприличные рисунки в местах с достаточно широким доступом населения), так и в невербальной форме (определенные жесты, мимика).

Коммуникативная ось «*легитимность – нелегитимность*» в своем основании исходит из двух взаимно дополняющих друг друга идей: законности и согласия. При этом законность характеризует действия управляющего, а согласие – позицию управляемого. Именно соотношение этих двух факторов определяет облик власти. Легитимность же как коммуникативное явление в целом проявляется в молчаливом соглашении между властью и обществом. В случае ее отсутствия правление беззаконно и управляемый не дает на него своего согласия.

Интенсивность легитимности может меняться. Среди критических показателей, свидетельствующих о наступлении ее кризиса, чаще всего выделяют падение уровня признанности и оправданности полномочий субъектов политической власти.

Легитимное видение политического мира выражается в терминах общепринятых *ценностных ориентиров* и правил и осуществляется в режимах оправдания действий: *режиме публичного обоснования действия, режиме близости* и *режиме планового действия*. Каждому формату действия соответствуют особый вид оценки норм и особая модель деятельности. Режим публичных обоснований

связан с высшими общими принципами, общими формами блага и с ограниченным благом. Режим близости связан с взаимодействием человека с близким окружением и основан на привязанности и заботе. Режим интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного рационального действия.

В условиях политической модернизации пространство коммуникации власти и общества приобретает децентрализованную сетевую форму. В сетевом пространстве политическая коммуникация представлена следующими полями: индивидуально-личностным полем (индивидуальные сайты, странички, блоги политических и общественных лидеров), групповым полем (блогосфера), институциональным полем (сайты, порталы органов власти). Основными трендами политической коммуникации становятся: неотсроченность (возможность заявить свою позицию и получить немедленный ответ); перенос коммуникации «лицом к лицу» в виртуальную плоскость (телемосты, виртуальные коммуникативные площадки); коммодификация коммуникации (политические коммуникации выступают как особый товар, потребление которого предполагает особый акцент на имидже).

Децентрализованная сетевая форма пространства коммуникации требует новых форм управления, которые должны быть направлены на *оптимизацию* политической коммуникации.

Результаты проведенного нами в г. Саратове анкетного опроса свидетельствуют о необходимости аккумулирования таких коммуникативных ресурсов, как *доверие* и *контроль*. На фоне низкого уровня доверия общества к власти (54% респондентов скорее не доверяют власти, 20% – равнодушны, 13% – доверяют) наблюдается высокий уровень протестного потенциала общества (48% опрошенных готовы участвовать в протестных акциях). Особую роль в оптимизации политической коммуникации играет экспертное сообщество. Эксперт – это агент поля политики, который наряду с другими акторами пространства политической коммуникации формирует *легитимные представления* о социально-политических проблемах; способствует формированию соответствующих дискурсивных практик и спросу на специфический продукт – экспертизу. В условиях политической модернизации, на наш взгляд, возрастает значимость конфликтологической экспертизы.

Библиографический список

1. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 12 нояб. 2009 г. URL: http://kremlin.ru/transcripts/5979

2. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 22 дек. 2011 г. URL: http://kremlin.ru/transcripts/14088/work

3. *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе / под ред. В. Иноземцева. М., 1999.

4. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

5. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

6. *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. История российской модернизации. URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch111_i.html

7. *Земцов П.А.* Коммуникативное пространство в контексте социальных изменений / под ред. А.Ю. Шеховцева. Саратов, 2003.

8. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.

9. URL: http://wciom.ru/367/

10. О порядке рассмотрения обращении граждан Российской Федерации: Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 29 июня 2010 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

11. *Лукин Ю.Ф.* Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: автореф. дис. … ист. наук. М., 1993.

12. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

13. *Кинбурский А., Топалов М.* «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5. С. 51–58.

14. *Иванова Е.М.* Политическое участие как форма иммобильного политического поведения // Изв. Сарат. гос. ун-та. 2011. Сер.: Социология. Политология. Т. 11, вып. 2.

15. *Яшин И.* Формы проведения уличных акций. URL: http//www/ yabloko.ru/Publ/Book/ Yashin/protest_004.html

O.B. Batraeva
Political Stability as a Problem of the Contemporary Russian Modernization

The concept of political stability is defined, and the models of socio-political stability in the Russian political process of 1900–2000th are described. The limitation of the resistant stability for the modern socio-political situation in the country is shown.

Key words and word-combinations: political stability, models of socio-political stability, resistant type of stability.

Раскрывается понятие политической стабильности; рассматриваются модели социально-политической стабильности в российском политическом процессе в 1990–2000 гг. Показана ограниченность резистентной стабильности для современной социально-политической ситуации в стране.

Ключевые слова и словосочетания: политическая стабильность, модели социально-политической стабильности, резистентный тип стабильности.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

О.Б. Батраева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Результатом переосмысления теоретических основ модернизационного процесса стало признание альтернативного, нелинейного характера модернизации, ее острой конфликтности, повышенных рисков и неопределенности итогов. По мере обобщения и осмысления опыта модернизации в различных странах в центре исследовательского внимания оказалась проблема обеспечения некризисного или – «органичного» развития. С точки зрения ученых и экспертов сценарии модернизации, принципиально игнорирующие имеющиеся объективные макросоциальные и социокультурные ограничения, приводят к кризисам, разрушающим основы общественной жизнедеятельности.

Многие влиятельные участники российс-